

Рис. Н. КАЗАНЦЕВА

МЕХАНИЗАТОРСКИЙ СОН

— Братцы! Запчасти!..

ШМЕЛЬ

№ 6

(149)

Год издания 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП КАЗАХСТАНА

Алма-Ата

1968

ИЮНЬ

Цена 15 коп.

Рис. В. НИКОЛАЕВА

ЖЕРТВА ПОВИЛИКИ

— Доченька, беги за пропольщиками, скажи, бригадир один, из сил выбился?

ПОХОЖДЕНИЯ СЕРОГО КОЗЛА

— Куда несет этого бородатого козла? — шепчет чабан, едва поспевая за отарой. — Что ему надо в долине Каракушек?

Овцы, как безумцы, спешат за длиннорогим бородатым козлом, который трясет головой и нетерпеливо поглядывает назад: мол, быстрей!

— Совсем замаял меня и овец! — проклинает вожака старый чабан.

А козел, подняв бородатую голову мчится вперед: увлекая за собой отару. Его гордый вид говорит о том, что он не остановится, пока не достигнет цели.

Старый чабан, который несколько лет ходит за отарой, разгадал думы серого козла.

— Чтоб ты сдох, проклятый — вздыхает старик. — Я понял, почему ты рвешься в эту долину. Ты хочешь водички испить из колодца, который построило Кзыл-Ординское строительно-монтажное управление. Думаешь, если две с половиной тысячи рублей выброшено на это дело, так рассчитываешь увидеть колодец, до краев наполненный водой? Думаешь, если строители истратили одиннадцать тысяч на скважины, так ты утолишь жажду в долине? Ошибаешься, глупый козел! Воды там нет! Зря ноги бьешь!

Действительно, чудак серый козел. Что с него спросишь? Животное! Не знает, что хоть в долину Каракушек пойдет он, хоть в Тесикастау — нет воды. Колодцы, вырытые Кзыл-Ординским строительно-монтажным управлением треста «Казглавстрой» — сухие. И зря серый козел надеется на чудо и ведет жаждущих овец в долгий путь.

Колодец на летнем пастбище колхоза «30 лет Казахстана», Чиилийского района, тоже сухой. Его строили начальник обводнения пастбищ Яныкурганского района Т. Бердибаев и мастер колодезных дел Н. Жолмуратов. Может, даже премиальные получили за досрочную сдачу объекта. А колодец не простоял и года. Говорят, потому, что колодезный мастер Жолмуратов в своей работе обходился без цемента и бетона.

Идет и идет серый козел, оставляя позади холмы и горы, с надеждой поглядывая вперед. Уже сколько лет, сколько зим он пьет воду и пасется в поймах Сыр-Дарьи! Он знает, как свои два длинных рога, в каком холме, в какой долине что кроется хорошего.

В областном управлении он узнал, что есть сводка, в которой говорится, что до января 1968 года на этих пастбищах сдано 3469 шахтных колодцев и 664 трубчатых. Так что серый козел не думал, остаться в июньскую жару без воды!

И повел серый козел свою измученную жарой отару на соседние пастбища: совхоза «Сырдарьинский», Чиилийского района, «Жанадарьинский», «Кумжарган», «Идрис», «Жаманкора», «Бурмакум», «Куклан», «Инкардарьинский», «Тастак», «Андамас» — нигде нет воды. Иногда увидит мудрый вожак впереди колодец, обрадуется, мол, ну, наконец-то утолим жажду. Глядь, а колодец опять пустой.

Удивляется серый козел. Куда ни пойдешь, куда ни посмотришь — везде негодные колодцы. Нет воды. А если где вдруг и блеснет водичка, то нет корыта, — опять нельзя напиться.

— Хватит мучиться! — думает серый козел. — Слышал я, что в этом году было вырыто 48 шахтных и 5 трубчатых колодцев. Дойду-ка я до пастбищ Сарысу, Каракум, и Кзыл-Кум. — Должна же быть вода!

Бредет уставший козел и бормочет в длинную бороду:

— Оказывается, люди врут!

Узнав о похождениях серого козла, товарищи из областного управления сельского хозяйства, а также и в Кзыл-Ординском строительно-монтажном управлении, — положили на стол сводки. Мол, вот они, вырытые колодцы! Вот оно — обводненное пастбище! Что ему надо этому серому козлу?

— Серый козел, оказывается, врун!

Похождения серого козла — факт! Только одно не ясно — кто кому втирает очки! Истина, разумеется, раскроется. Если козел — ну что с него спросишь? Животное! А если люди? Нехорошо получится!

А. ЕРЖАНОВ,
Д. САПАРОВ,
нештатные корр. Шмеля.

РАЗНЫЕ МЫСЛИ

Что такое плюс? Это перечеркнутый минус.

* * *

Чем ровнее жизненная дорога, тем быстрее она кончается.

* * *

Писал белые стихи, а выходили бесцветные.

* * *

Он поднял на ноги всю милицию, но сам сел надолго.

* * *

Автор писал таким ярким языком, что у читателей темнело в глазах.

* * *

«В семье не без урода», — говорил пень, глядя на молодые отростки.

* * *

Благодаря своим способностям дослужился до директора спиртзавода. Умел соображать на троих.

Д. ГАНЕЛИН.

ТОНКИЙ РАСЧЕТ

«...и всегда натыкаешься на грубый ответ. Мы требуем, чтобы вы, наконец, хоть раз примерно наказали главного бухгалтера Зонненфельда!»

Директора охватило раздражение: много они себе позволяют! «Мы требуем!» Ничего себе! А ведь на прошлой неделе, на профсоюзном собрании, он им всем задал перцу. Надо больше заботиться о плане и качестве, сказал он, а не толкаться в бухгалтерии.

Зонненфельд? Как же, он его хорошо знает. Вежливый, скромный человек. Подает бумаги на подпись. Груб? Ерунда. Не может быть. Явная клевета!

Интересно, кто подписал это письмо? Директор перевернул лист бумаги. Ну, конечно! Вместо подписи неразборчивая закорючка. Он разорвал письмо и выбросил в корзину.

Что там еще? Да, да, — список рабочих и служащих на выдачу премии к Октябрьским праздникам. Он пробежал длинный ряд фамилий, подумал, злорадно усмехнулся и вписал в конце фамилию Зонненфельда.

Год уже мирно близился к концу, как вдруг в декабре поступило новое письмо. Те же обвинения. И в заключение то же самое. «Мы требуем, чтобы вы, в конце концов, призвали к порядку этого грубияна!» И опять та же закорючка вместо подписи.

Директор схватился за телефонную трубку:

— Соедините-ка меня с профкомом! Это вы Шмидт? Вы мне вчера сказали, что осталась одна путевка в санаторий. Знаете что? Хорошо было бы дать нашему Зонненфельду тоже возможность разочек отдохнуть на юге. Да, да, этому самому, из бухгалтерии. Ерунда... Пустые наговоры. Прекрасный работник... Я проверял лично!...

А в самый канун Нового года, в конце дня 31 декабря, секретарь принесла ему последнюю почту: пару деловых писем, вечернюю газету и броскую цветастую открытку. От кого это?

«...а вместе с этим и сердечный Новогодний привет с далекого юга, где и зимой нет недостатка в солнце! Искренне Ваш Зонненфельд».

Тронутый вниманием, директор усмехнулся. Вот это настоящий человек, он не забывает доброго дела!

Он уже хотел отложить открытку, но вдруг будто споткнулся обо что-то и вгляделся повнимательнее.

Не может быть! Или... черт возьми, да ведь это тот самый почерк и та же закорючка, что успели намозолить ему глаза в обличительных письмах! «Мы требуем...», ну что и так далее!...

Г. ГЕРМАН.

КАПУСТА В КОСМОСЕ...

Директор овощной базы Я. А. Элькин готовился к докладу. Вместе со своим замом Завалишиным он просматривал рукопись доклада и недовольно хмурился.

— Не то! Нету, понимаешь ли, изюминки. — Вот, помню на одном совещании директор пуговичной артели сказал так: наша артель за квартал выпустила пуговиц столько, сколько не произвели со дня открытия Антарктида, Гренландия и княжество Лихтенштейн — заметьте! — вместе взятые. Вот это да! Целые материки фигурируют, а мы все молчим, не умеем подать цифру!

Завалишин маялся. Готовя директорский доклад, он как-то не подумал о мировом масштабе.

— И заметь вот еще что, — продолжал директор. — Надо подпустить космосу для впечатления. Вот Попухевич из автотреста это может. План завалил, не уложился в тоннаж, а выкрутился, шельма. Аплодисменты пожал. И на чем, ты думаешь, выкрутился Попухевич? На километраже! У меня, говорит, пробег составляет два миллиона. Шесть раз на луну и обратно. Лишний космический рейс — это звучит! Уяснил?

— Уяснил! — с готовностью отозвался зам.

Вскоре рукопись модернизированного доклада была на директорском столе. Теперь сухие цифры звучали внушительно и весомо. Для начала Завалишин запустил кислую капусту в космос и заставил ее вращаться вокруг земли. Пояснив, что вся орбита нафарширована капустой и представляет из себя космический салат, Завалишин спокойно вернулся на грешную землю и занялся солеными огурцами. Путем несложных подсчетов он доказал, что огурцами, заготовленными базой, можно обеспечить всех коренных обитателей пустыни Сахары (без оазисов) и княжества Монако вместе взятых на 100 календарных лет.

— Это то, что нам нужно! — одобрил директор. — Однако, Завалишин, в другой раз обойдемся без Монако. Нужно будет обыграть Венеру. Это произведет больше впечатления, поскольку на повестке дня — новые полеты космических кораблей на эту загадочную планету. Уяснил?.

Зам понимающе усмехнулся и кивнул. А. Я. Элькин облегченно вздохнул и размашисто подписался под окончательным вариантом доклада.

М. КРЕПИН.

Рис. В. ВОЛКОВА

— Бросаем тебя на кондитерскую!
— Так я же сапожник!
— Не смог шить сапоги, — будешь печь пироги!

В ГРЕЦИИ

Встречаются два грека на улице,
— Ох-ох-ох, — вздохнул один
— Ах-ах-ах, — ответил второй.
— Не разговаривать на политические темы! — заорал полицейский.

НЕ ОГЛЯДЫВАЛСЯ

В американском штабе в Сайгоне генерал вызвал командира батальона.

— Какие силы вьетконговцев разгромили вас!

— Не знаю, господин генерал, я не оглядывался.

В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ

Военный патруль остановил пьяного американского солдата, бродившего ночью по улицам города.

— Ты почему здесь!
— Отстал от части.
— А где твоя часть!
— В цинковых ящиках отправлена в Штаты, господин офицер.

А. ВАКУЛЕНКО.

Хомяк

Хомяка обуяла скаредность. Где найдет зернышко, тащит его в норку. Другие хомяки хоть и копят запасы на зиму, но питаются, а этот нет: «Вот накоплю, уж тогда и буду есть».

Зернышко и зернышку, зернышко и зернышку...

Ушла жена от хомяка — с голодухи, чуть живая ушла. Зернышо и зернышку, зернышко и зернышку...

Умерла старуха-мать от истощения. Зернышко и зернышку, зернышко и зернышку...

Сам уж еле-еле ходит, ребра наружу торчат.

Зернышко — и зернышку...

Говорят, умер хомяк. Царство ему Скаредное!

Б. БАННИКОВ.

Не унывай, Санхай!

— Когда идешь на пенсию — самое время стать писателем, — поучал Андагулов сидящего против него рыжего высокого собеседника.—Чего лучше — свободная профессия! Да и податься больше некуда. В науку не сунешься — там знания нужны. В продавцы не пойдешь — считать уметь надо. Вот и выходит, что захочешь сено есть— наколешься, а воровать станешь — попадешься...

— Да, дружище, я тоже так подумываю, — согласился кандидат в «писатели», почесывая затылок. — Однако, есть и тут заковыка. Я ведь, сказать по совести, кроме составления актов и протоколов до сих пор никакой другой писаниной не занимался.

— Чудак-человек! Смелости тебе не хватает. Риск — благородное дело, а ты задний ход. Сам подумай, ну кем ты можешь еще стать, как не писателем? Пенсия-то на носу!

— Не горячись, Жоке. Давай-ка лучше взвесим. А что, если заняться переводами?

— Ты можешь стать переводчиком?

— Если попробовать... Сейчас ведь переводит каждый, кому не лень. Возьми, к примеру, нашего Медеубая. Даже жена Игена из года в год переводами занимается!

— Наивный ты человек, Санхай! Они же действуют артелью. Одни достают переводы, другие их осуществляют. Отшлифовывают. Обтесывают. Это, брат, дело тонкое. Целый промысел, не сразу разберешься. Вот ты говоришь «попробовать». Ишь ты! А тебе скажут: «переведи»! И подсунут произведение Тургенева. Или, скажем, Шолохова. Что тогда? Правда, их сейчас не переводят. Мода пошла на переаоды с казахского на русский произведений, большинство которых никак зтого не заслуживают. Некоторые по своим художественным достоинствам выеденного яйца не стоят. Вот тут тебе и задача: попробуй перевести с казахского на русский какую-нибудь белиберду!

Санхай Копесов призадумался. Разные должности перепробовал он за свою жизнь, пока не постарел. А тут предупредили — к осени собирайся на пенсию. Он и потерял покой. Позвольте! Ведь он еще не очень стар! Да к тому же, уйдя на пенсию, должен же чем-то заполнить свой досуг? Сейчас многие пенсионеры находят себе дело.

Вот и держал он сейчас совет со своим другом — пенсионером Жобалаем Андагуловым...

— Ты в таком деле человек с опытом. Говори, я слушаю тебя внимательно,— произнес Санхай,— Толком подскажи, как мне стать писателем!

— Помни одно, — продолжал Андагулов, — современные писатели стали писателями не потому что обладают особыми талантами. Таких единицы. А многие из них вчерашние бухгалтеры, мясники, дворники... Ты же знаешь Дмитрия Андреева — сейчас зто, можно сказать, известность в республике! А несколько лет тому назад он был портным-надомником. Лично мне костюм шил. Не зря в народе говорят: «Дело мастера боится». Умей только мастерски собрать, систематизировать, слепить материалы — и дело а шляпе!

Такие темы, как борьба за уголек, прососеяние, искусственное осеменение, труд доярок и чабанов как-то за последнее время иссякли. Их уже вдоль и поперек исписали коллеги.

— Вот видишь! С зтого бы и начинал!

— Погоди! — прервал Андагулов. — Тем хватит. Если потянешь, аозьми тему из жизни аула времен коллективизации. Нет, тогда бери известное бедствие из истории казахов — «Актабан Шубурунды».

Санхай Копесов приуныл.

— Ну, если и это тебе не под силу, тогда хватайся за самую неиссякаемую тему, настоящую жемчужину для многих. Чуешь, что зто такое? Тема Великой Отечественной войны, насыщенная героизмом. На эту тему написана масса книг! Их, как гороха в торбе. Если тебе приходится туго — бери из торбы по одной такой «горошине» и используй!

— Понял! — обрадовался Санхай.

— Ну, то-то же. Так и начинай. Например, в районе Керчи выступи в поход на танке или пешим (как тебе воображение подскажет) и дуй до самого Берлина.

Санхай развеселился:

— Хочешь сказать, — дуй, как к теще на блины! Хи-хи!

— Брось хихикать! — рассердился приятель. — Ты был на войне? Был. Участвовал в боях? Участвовал. Многое видел своими глазами. Ну, а остальное труда для тебя не составит. Кидайся в огонь и в воду. Дерзай. Проявляй неслыханную отвагу. Если надо, оставайся в окружении. Прорыаайся Да не забудь по пути прихаатить одного-двух немецких «языков». Если требуется, отдай богу душу на зтом дерзновенном пути... ничего не случится с тобой. Все собирай в кучу, сдабривай, слепливай. Тут тебе и произведение готово. Выпусти его на казахском языке, а потом не забудь, согласно существующему ныне в издательствах «уложению», через пять месяцев переведи и издай на русском языке. Потом опять переведи с русского на казахский, затем с казахского на русский... Так и пойдет.

Соает бывалого дружка пришелся Санхаю Копесову по душе. Не медля, он приступил к творчеству, То есть принялся денно и нощно собирать по «горошинке», систематизировать, сдабривать, слеплиаать. Когда закончил свое произведение, назвал его «Поход» и сдал а издательсхао. Предварительно сие творение прочитал «главный консультант» Андагулов и даже дал аысокую оценку: «Твой «Поход» перещеголял мое «Сражение». Молодец, Санхай, валяй, пописывай, не унывай!»

— Я тебе по гроб за все обязан, — отвечал довольный Копесов и торжественно поклялся впредь оправдать доверие на писательской стезе.

...Сидит Санхай Копесоа в издательстве перед своим редактором — чернявым, длинноволосым джигитом. Редактор «Похода» то ли отроду чудакоаат, то ли у него такая привычка, — подмигнув Санхаю, изрек:

— Я же вам, аксакал, членораздельно сказал: в ближайшее арeмя закончу редактирование. Не беспокойтесь.

— Спасибо, джигит! — произнес автор с холодком.

— Не понимаете, аксакал? — многозначительно протянул редактор, опять подмигиаая.

— О чем, браток, речь?

— О чем? Будто впрямь не понимаете? Ай-ай!

Санхай встревожился. Куда гнет, шельмец? Не в ресторан ли?

Нет. Санхай не из таких. Рукопись пока не отредактирована? Заключив догоаор, получил бы ааанс... тогда бы еще подумал. Пока произведение окончательно не одобрено издательством, он ни гроша не потратит!

— Ну, как моя писанина выглядит? Верно, неплохо? — спросил он делая разведку на прощанье.

— Откуда мне знать! Еще не читал, отрезал редактор.

Но Санхай не пал духом. Оставив продолжение разговора о том, чего он «не понял», до другого раза, Санхай простился.

Однако, что же делать? Плод непривычного труда никак не дает покоя. Не раз Санхай заходил в издательство. Придет, уйдет. Пока безрезультатно. Будет ли издан «Поход»? Не будет ли издан? Если будет, то когда? Сплошной туман. Только и поддерживает Санхая его беспредельный оптимизм: «не унывай, Санхай! Придет время и твой «Поход» загремит! По крайней мере, такая вещь долго в мешке не улежит!»

Давайте и мы с вами порадуемся, читатель. Глядишь, на наше счастье, появится на божий свет еще одна «светлая» книга.

Ю. АЛТАЙБАЕВ.

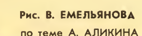

Рис. В. ЕМЕЛЬЯНОВА
по теме А. АЛИКИНА

— Иван, идем на рыбалку!
— А я непьющий!

ВЕСЕЛЫЙ ЗАЯЦ

Вы видели!
При входе в гастроном
Стоит здоровый,
Молодой мужчина.
Идет ли снег,
Иль дождик за окном,
А он стоит,
Стоит не без причины.
Нет,
Он не ротозей,
Не истукан.
Он — на своем посту,
И даже —
Вооружен.
Оружие — стакан.
Хотите выпить, —
Он уважит.
Нет,
Благодарность дяде
не нужна,
Хотите,
Дайте по затылку,
Оставьте только лишь
в стакане
Двадцать грамм вина,
Ну...
И порожнюю бутылку,
Как видите,
Сей тип неприхотлив.
А иногда
Он даже сердоболен —
К тому,
Кто лишнего за галстук
свой залив,
Вдруг загорюет,
Чем-то недоволен.
Тип тут как тут:
— Э, братец,
Не скучай!
Расскажет притчу
о судьбе-злодейке,
Поддакнет,
И всплакнет,
И невзначай
Вдруг намекнет
На 42 копейки.
И собеседник даст.
Кто запретит!
Хотя и кошелек набит
не туго,
Но от души,
Он дядю угостит,
Как лучшего,
Отзывчивого друга,
А у того написано на лбу,
Что он лишь о беспечной
жизни бредит...
И так вот,
У народа на горбу,
Веселым зайцем
В будущее едет.

Виктор СЕРБИЛАДЗЕ.

ЗАГВОЗДКА

Собрались дети у калины,
Чтоб домик выстроить из глины,
И под кудрявый зонт ветвей,
уселись семеро детей.
Тут крикнул Петя из семерки:
— Я завом буду этой стройки!
А Коля Пети говорит:
— Я буду главный плановик,
А Ваня будет нормировщик,
Никитушка — проектировщик...
— А мы, девчонки, будем с вами
у зава все секретарями.
Вдруг Валя машет кулачком:
— Ведь это ж попросту нахальство.
Когда все лезете в начальство, —
А кто же будет строить дом!
А глину будет кто месить!
— Загвоздка, — Петя-зав подметил,
Потом, подумавши, ответил:
— Придется дяденьку просить.

Дм. КУРИЛОВ.

Рис. В. ЧУГУНОВА
по теме В. КОСМЫЛИНА

Вырастили.

ОПАЛЬНЫЙ ВЕРМИКУЛИТ

(ИЗ ДНЕВНИКА ИНЖЕНЕРА-СТРОИТЕЛЯ)

Декабрь, 1964 год. Муссируются очень приятные слухи — геологи нашли какой-то вермикулит. Говорят, великолепный строительный материал. Что такое вермикулит, спросить постеснялся. Придется заглянуть в энциклопедию.

Февраль, 1965 год. Слухи о вермикулите подтвердились. Из Кокчетавского треста «Совхозстрой» № 17 выехала в Челябинск группа специалистов во главе с главным инженером Н. Ф. Луценко. Хотят изучить опыт строителей, которые вместе с научными сотрудниками Уральского научно-исследовательского института железобетона научились использовать вермикулит. Он у них и теплоизолятор, и отделочный материал, и даже кирпич заменяет.

А мы? У нас в Кокчетаве — кирпич — вечная проблема. На стройках его нет. На месте никто не вырабатывает. А глины в области больше, чем надо.

Март, 1965 год. Вернулись!!! Оказывается, в Челябинске уже построено 200 (двести) крупнопанельных домов, в коих вермикулит служит теплоизолятором. Потрясно! Наконец прочитал об этом чудо-материале.

Вермикулит — это же революция в строительстве! Панели — легкие, звукопроницаемость — ноль. В такой квартире пляши под радиолу на всю катушку, и никто не будет жаловаться.

— А какой нарядный вид имеет дом, когда панели выполнены из вермикулита! — восторгался Н. Ф. Луценко. — Надо производить его, но нет печей для обжига. Вот беда.

Июнь, 1965 год. Наконец-то в «Главцелинстрое» решили, что печь для обжига вермикулита построит один из заводов главка. К осени, наверное, будут свои панели с заполнителем из вермикулита.

Август, 1965 год. День строителя прошел чудесно. Буфет был изумительный, премии — полновесные. Даже сейчас не могу без слез умиления вспомнить, как торжественно мы переносили два челябинских кирпича в Красный уголок для общего обозрения. Глядите, любуйтесь вермикулитом!

Март, 1967 год. Случилась беда. Целиноградцы отказались изготовлять печь. Оно и понятно. Главка нет — кто им теперь прикажет? Заказ грошевый, а мороки много. Привезли чертежи в Кокчетав. Долго судили-рядили, кому поручить. Спасибо заместителю председателя облисполкома тов. Чернову, он нашел изготовителя — мехмастерские областного управления хлебопродуктов.

Декабрь, 1967 год. Баланс минусовый. Слышал, строительные организации области завезли из-за тридевяти земель свыше 100 миллионов условного кирпича. Но это ничего, осталось мучиться недолго. Мы еще покажем...

Апрель, 1968 год. Опять усиленно муссируются слухи о вермикулите. Теперь уж обязательно своего добьемся. Печь, факел, вентиляционное оборудование заказано мехмастерским Кокчетавского СМУ «Целинэлеватормельмонтаж». Поживем — увидим, на что оно способно. Вот будет смеху, если все-таки изготовят в нынешнем году, и вермикулит появится...

**Дневник подготовил к печати
К. ПОКАЧАЛОВ,
нештатный собкор Шмеля.**

ОТБРИЛ

Сидящий на садовой скамейке мужчина склонился влево, достал из кармана никелированный портсигар и нажал кнопку. Крышка с выдавленной на ней лихой свадебной тройкой отскочила, обнаружив два ряда алма-атинского Беломора. Вынув из-под резинки одну папиросу, мужчина захлопнул крышку, постучал по ней гильзой, медленно поднес папиросу ко рту и зажал ее в искусственных зубах. Вдруг над его ухом раздалось:

— Разрешите...

Мужчина повернул голову и увидел молодого кудрявого человека лет пятнадцати, с приятным матовым цветом лица.

— Что? — спросил мужчина.

— Разрешите закурить, — с превосходной дикцией пояснил юноша, указывая глазами на портсигар.

— За-ку-рить? — ужасаясь, вскинул брови мужчина, — вы просите папиросу? В таком возрасте?

Синий взор парня потух. Он повернулся уходить.

— Не буду я больше, — сказал парень.

— Дай честное слово, что не будешь.

— Даю слово, — озираясь, прошептал юноша.

— Позорище-то какое, а! С таких лет! Да я в твои годы уже других угощал, всегда свои собственные имел. Понял? А ты стреляешь.

А. ВЕТРОВ.

Быль о рыбак

Итак, начнем потихоньку, то-есть, рассказ о дарах Каспийского моря. Не станем при этом, однако, прибегать к двусмысленным фигурам рыбачущего старичка-бодрячка и его сварливой старухи. В этой были их нет.

Однако, есть опасение, что и рыбки скоро не будет. Ни в рассказе нашем, ни в море. А в результате этого, чего доброго, может появиться и разбитое и — естественно — пустое корыто.

Почему? Сразу на такой вопрос не ответишь, проблема сия достаточно сложна. Однако, угрожающее положение для каспийской рыбки сложилось, в частности, потому, что почтенные учреждения, ведающие ею, работают в некотором как бы отрыве от насущных проблем. Дошел, например, однажды до ученых и высокого рыбного начальства слух, что, дескать, наблюдается на восточном побережье Каспийского моря, в районе Мангышлака, огромный выброс осетровой рыбы. Прибыли они на Мангышлак, чтобы посмотреть своими глазами. Зрелище им открылось необыкновенное. Походили по берегу, посмотрели, поохали, потыкали палками в песок и ужаснулись. Да и как было не ужасаться, если только под поселком Ералиево на четырехкилометровом участке побережья лежали один к одному, как огурчики 342 полновесных осетра. А кто их считал на двухстах километрах? Никто не считал. В уме умножили, прикинули — нехорошая цифра получилась. Взяла высокое рыбное начальство оторопь.

Михаил Александрович Андреев, заместитель начальника Баутинской рыбинспекции так и сказал:

— С одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года живу на море, с четырнадцати лет рыбачу — никогда у нас такого несчастья не случалось. Ни мы такого не зрели, ни отцы наши не видели.

Начали думать-гадать поморы, а также начальники рыбные и ученые: что же такое с той бесценной рыбой стряслось?

И сказал аксакал Суханберды Куанышев, старый рыбак, что видел он совсем недавно севернее Баутина судно престранное.

Вздымались также за этим судном фонтаны воды аж до самого неба.

— Эге, — сказали рыбные начальники и призадумались. — Неужто обманывают народ почтенные геофизики, плавающие по морю! Неужто хитрят они, когда громогласно клянутся перед честными гражданами,

что-де не применяют тротиловые заряды и используют для сейсмической разведки установку газовой детонации, для рыбы вполне безопасную?

И узнали потом начальники: верно, не применяют тротил, пока рыбинспектор маячит на мостике. Но стоит инспектору поверить геофизикам на слово и отбыть восвояси на сушу, как тут же начинают греметь взрывы тротиловые для геофизиков-сейсмографов приятные, а для рыбы каспийской — губительные.

Ужаснулись рыбные ученые еще разок, приняли во внимание ущерб, какой приносят красной и иной рыбе сейсмические работы, но все же засомневались. Трудно, говорят, поверить, чтоб одиночные взрывы могли привести к массовому выбросу рыбы, подобному случившемуся. Причиной беды было что-то посерьезнее...

Но что?

Разводит руками В. Г. Андреев, директор Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства («Каспнирх»).

Разводит руками Н. Е. Песиридн, директор Гурьевского филиала Каспнирха.

Разводит руками В. В. Мильштейн, директор Центрального научно-исследовательского института осетрового хозяйства.

Разводит руками И. И. Акмаев, заместитель начальника Главного управления Каспрыба. Ответа нет.

А рыба молчит. Во-первых, потому, что так ей на роду написано, а во-вторых, потому что она дохлая.

На основании этого и некоторых других примеров нельзя отделаться от впечатления, что некоторые научные и административные инстанции на Каспии мало занимаются насущными рыбными проблемами, мало думают о том, как бы подсобить благородной рыбе. А ведь она хоть и молчит, тем не менее громко вопиет о помощи и защите.

* * *

По вобле скучают не только на Волге. Сядут где-нибудь на Иртыше работяги распить по кружечке пива и нет-нет, да и скажет кто-нибудь со вздохом:

— Эх, воблы бы сюда кусочек.

Каспийских старожилов пытают и в Москве, и в Ярославле и даже в Ал ма-Ате:

— Скажите, есть ли еще вобла Каспии?

— Есть, — отвечают старожилы, есть.

— Так почему же мы ее не видим Почему?

Во-первых, введен лимит на л воблы. Во-вторых, план по вылов как правило, не выполняется, а третьих...

Весной 1967 года на берегах Урал по самым приблизительным подсче там погибло 9700 центнеров воблы Рыба сгнила, виновные наказаны. Ко нечно, любителям воблы в Москве Ярославле и Алма-Ате, от этого лег че не стало, но все-таки. Выговоры наверное, не за здорово живеш дают и не для того, чтобы соблюст формальные приличия, дескать про виннлся — получай, а там... А та хоть трава не расти.

Приезжает в январе этого год один дотошный старожил на Урал а там... А там опять замор. И где Недалеко от поселка Пешное в устье Урала, в каком-то километре от пост рыбинспекции. Поехал каспийски житель на пост. Взял с собой пешню лед долбить. Продолбил, глядь, а по до льдом, на дне, ровнехоньким сло ем лежит вобла, гниет.

Рис. В. ТАМАЕВА

— Вы уж извините, она раньше на детских распашонках сидела.

ПРОБКА, ЖУЧОК ИЛИ

Пьеса в трех картинах.

Действующие лица:

Гунеев Василий Иванович — председатель рабочего комитета Мамлютского племсовхоза Северо-Казахстанской области.

Гунеева Евдокия — его жена, кассир клуба (в спектакле не участвует).

Липатов Георгий Иванович — киномеханик.

Липатова Софья — его жена, помощник киномеханика.

Члены рабочего комитета совхоза.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение рабочего комитета. Заложив руки за спину, Василий Иванович Гунеев разгоряченно ходит взад и вперед. Киномеханик Георгий Липатов, жулькая свою ушанку, сидит на табурете.

— Догадываешься, зачем вызван? — сурово вопрошает Гунеев.

— Не разумею, Василий Иванович. Мало ли к чему можно...

— Ты мне не темни. Ты на току полтора месяца что делал?

— Помогал хлеборобам.

— Весомо. А кто ты такой, чей работник?

— Ваш, Василий Иванович, ваш. Но ведь я ни одного киносеанса не сор вал.

— Сорвал, не сорвал, а вот зарплату киномеханика ты не получишь. Почему моей жене свет в кассе не обес печил?

— Пробки нет, Василий Иванович

— Жучка поставь.

— Не могу. Чуть чего — замыкание произойдет, а клуб наш деревянный...

— Тогда это сделает другой. Можешь идти!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер следующего дня. Киноаппаратная. Супруги Липатовы готовят к показу кинофильм «Выстрел». Входит Василий Иванович Гунеев.

— Иди торгуй билетами, — говори он Софье Липатовой.

— То есть как? — удивляется та. Кассиром работает ваша жена, а я помощник киномеханика.

— Я вас назначил кассиром.

— Но у меня своя работа.

— Тогда вы оба убирайтесь!

— А «Выстрел»? — недоуменн спрашивает Липатова.

— Выстрела не будет!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Заседание рабочего комитета. Присутствуют пострадавшие супруги Ли-

...х и рыбке

— Так как же вы, такие-сякие, не заметили до ледостава — что здесь рыба? — спрашивает житель инспекторов — здесь же ее несколько сот центнеров?

— А как заметишь? — отвечают.— Осенью моряна надула — рыба зашла в этот проток. Подул ветер в обратную сторону, вода скатилась, а рыба не смогла уйти. А тут, наверное, и мороз вдарил. Вот и прихватило.

— Да, но вы на то и рыбинспекция, чтобы вовремя разведывать обстановку — где какой уровень воды, где какое скопление рыбы. Это ведь ваше дело?

— Наверное, наше. Так у нас и карты-то всех этих протоков нет. Разве за всем усмотришь? А к этому протоку, тем более, ни летом, ни осенью не пролезешь.

Вот и весь ответ. Вобла сама, значит, виновата, несознательная, что с нее возьмешь. Лезет, куда не надо. За это и наказана. А рыбинспекция? Ау! Где ты? Опять не оказалась вовремя на месте.

* * *

Ладно. Но это, скажем, цветочки. А теперь поглядим, как выращиваются ягодки. Гнилые.

Не скудеет с годами человеческая фантазия. Если уж среди ассенизаторов есть свои рационализаторы, то почему бы им не появиться среди людей более благородных профессий, ну, скажем, между руководителями рыболовецких колхозов? Верно, должны появиться! Не может прогресс топтаться на одном месте. Давай, ребята! Развивай фантазию! Удивляй мир! Закапывай красную рыбу! Нечего с ней чикаться! В водето и дурак может прожить. А вот пусть попробует в земле. Подумаешь, еще, трепыхается: я, мол, красная, я дорогая, я бесценная. А мы тебя, голубушку, в почву, в землю! Ха-ха! Не обедняем, не боись! Ты у нас, дорогуша, на столах не переводишься, и икоркой твоей мы балуемся вдоволь. Может ли, скажем, сапожник ходить без сапог? Не может! А мы рыбаки! Значит, мы тебя в землю для того, чтобы нас не подточило. Не обедняем. А рыбокомбинат пусть почувствует, как вовремя не забирать наши уловы. Пусть знает! А мы тебя сверху землицей присыпем и утрамбуем. Вот так, ладненько...

Прошлой весной по указанию председателя колхоза «Ракуша» Джаксыбаева было закопано 20 центнеров осетровой рыбы, по распоряжению председателя колхоза имени Джамбула Султанова 35 центнеров частиковой рыбы.

«Рационализаторы» отделались выговорами и легким испугом, поделенным на двоих.

Такой дорогой ценой оплачивается отсутствие ритмичности и слаженности в работе рыбокомбинатов, принимающих уловы от рыболовецких колхозов.

* * *

Мелеет катастрофически Урал. Волга зарегулирована. А по сути дела, только на Урале пока еще и сохраняются естественные нерестилища осетровой рыбы. Пока еще... А что ждет Урал в будущем? Только сейчас в одной Гурьевской области каждые сутки промышленность и сельское хозяйство изымают из многострадального Урала 814 тысяч кубометров воды.

Так что будем делать? Опять просто разведем руками, что, мол, ничего не поделаешь, что развивается промышленность, растет сельское хозяйство, и уважаемый прогресс не может топтаться на одном месте?

А если, мол, за дело берется прогресс, то ему ничего не стыдно?

Как сказать!

Разве не стыдно, к примеру, для Гурьевской ТЭЦ при современном уровне техники применять проточную систему охлаждения? Когда на протоке Перетаска, впадающем в Урал, начинает работать насосная станция ТЭЦ, то каждый час она выкачивает из Урала около 12 тысяч кубометров воды.

Когда строили ТЭЦ, не очень-то заглядывали в будущее. Нужно было разовое удешевление строительства. Строить же градирню для того чтобы применить замкнутую систему охлаждения, считалось накладным. А ведь при замкнутой системе потребление воды уменьшается раз в десять, если не больше. Но кто на это когда-то обращал внимание! Полагали, что вода ничего не стоит — бесплатная. Еще нигде и никогда ни одному предприятию не поставили использованную воду в себестоимость продукции. А потому — удешевляй строительство сию минуту, а «после нас хоть потоп».

Смеем уверить, потопа не будет. Будет наоборот, а если и случится потоп, так только от загрязнения Урала сточными водами промышленных предприятий.

До 9 тысяч кубометров сточных вод сбрасывает в Урал Гурьевский рыбокомбинат. Дирекция комбината заверяет, что эти сточные воды для рыбы не опасны, в них, мол, растворены биогенные вещества, а они, наоборот, рыбу привлекают. Допустим. Но чем объяснить, что канализация на комбинате строится вот уже 10 лет? Субподрядная организация «Гурьевспецстроя» ежегодно не осваивает выделяемые капиталовложения, на строительстве канализации ежедневно работают около десяти рабочих и всего один экскаватор. О перекурах эти десятеро, конечно, не забывают.

А кто возьмется подсчитать количество перекуров за десять лет?

* * *

145 промышленных предприятий за год сбрасывают в реку Урал 109,4 миллиона кубометров сточных вод. Непосредственно в Каспийское море ежесуточно, без очистки сбрасывается 34,9 тысячи кубометров сточных вод, в том числе Баутинский рыбокомбинат выливает 8,95 тысячи кубометров, нефтепромыслы—25,9 тысячи

Река Урал загрязняется шерстью, красителями, хромом, аммиаком, нитритами, хлоридами, сульфатами, нефтепродуктами и маслами.

Очистные сооружения на кожевенно-обувном комбинате имени Землячки построены в 1966 году, но не введены в эксплуатацию до сего времени из-за отсутствия необходимого оборудования.

Короче говоря, стало правилом, что средства, выделяемые на строительство и эксплуатацию водоохранных сооружений на реке Урал, не осваиваются.

* * *

Плещет волной синий Каспий.

Плещется в Каспии рыба. Плещется, да не очень. Плохо иной раз рыбе. Жаждет она, просит помощи. И помощь, конечно, может и должна быть оказана.

Для этого надо прежде всего конкретизировать, приблизить к жизни деятельность ученых, занимающихся рыбными горестями и радостями. Чтобы стало яснее и определеннее— в чем состоят горести и в чем радости, и как успешнее уменьшать для рыбы первые и увеличивать вторые. А если усилить борьбу против тех, кто издевается над таким народным богатством как рыба? Было бы очень хорошо!

И тогда рыба скажет — рахмет!

Вяч. БЕЛОВ,
Спец. корр. Шмеля.

ВЫСТРЕЛ?

патовы и обидчик — Василий Иванович Гунеев.

— Так с чего же все началось,— говорит первый член рабочкома,— с пробки, с жучка или с «Выстрела»?

— Неважно, с чего,— хмуро отвечает Гунеев.

— Но ведь,— замечает второй член комитета,— десять дней люди кино не смотрят, с каждым днем ущерб возрастает.

— Предлагаю восстановить киномехаников на работе,— говорит третий,— и оплатить им за вынужденный прогул.

Все члены голосуют «за».

— Так, так...— скрипит зубами Гунеев,— восстановили, да еще с оплатой за прогул... А я вот не согласен!

— Все по закону,— говорит первый член рабочкома.

— Выплатишь им за свой счет! — поддакивает второй.

— Как за свой? — вопрошает Гунеев, вытирая со лба испарину.— Он же не личный мой работник...

Занавес.

Примечание Шмеля: Третьей картины пока, говорят, еще не было. А нужна. До чего же нужна!

М. ЧИЛЬЧЕГОВ.

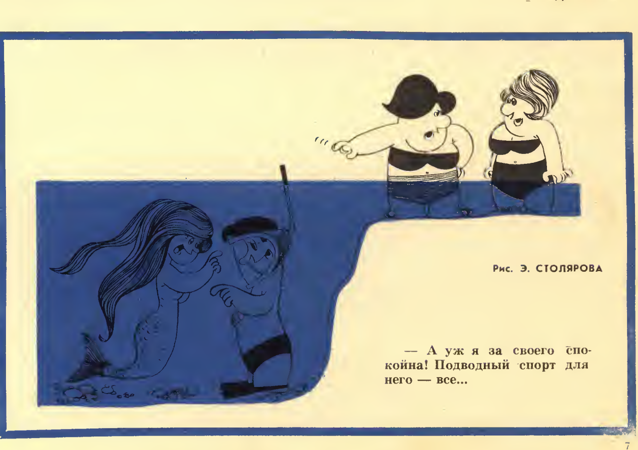

Рис. Э. СТОЛЯРОВА

— А уж я за своего спокойна! Подводный спорт для него — все...

Быль в глаза

Любители пожить на дармовщину бывают разные. Одни стараются создать шик-блеск, приводят окружающих в трепет, и те в слепом благоговении отдают все, что имеют. Другие — наоборот — норовят выглядеть победнее. Им, однако, тоже подают. Из жалости.

Наши герои выбрали второе амплуа. Председатель Ермаковского исполкома отыскал себе такую побитую «Волгу», что горожане при одном ее виде готовы были жертвовать ему из собственного кармана. Таким образом от исполкомовской колымаги выгадывали двое — сам Василий Исаович Трусов и его шофер Антон Ромакер.

Любой самый напористый проситель отходит, понурившись, едва тов. Трусов, горько улыбнувшись, покажет ему рукой на металлического одра.

А Ромакер тоже имеет от убийственного вида своей машины прямую выгоду. Никакой шофер, никакая автобаза не отказывают ему в бензине, в запчастях и прочих мелочах. Сочувствует ему и исполкомовская бухгалтерия.

— На ремонт денег надо, — просяще улыбается Антон.

— Сколько?

— Сколь не жалко! — нахальничает Антон — Ведь не себе ж.

Ну, конечно. Кто может подумать, что он деньги себе просит, когда исполкомовская машина у всех на глазах трагически разваливается на части.

Так проходило время. Пришел срок, однако, и для Антона. Взяли как-то счет № 13 от 20 февраля 1967 г. Читают: «Через шофера Ромакер за наличный расчет в магазине культторга Горпо куплен радиатор для автомашины «Волга» за 45 рублей».

Проверили, — оказалось, что в культторге радиаторами не торговали и никаких денег от Ромакера не получали.

Вольным сочинением оказались и другие счета Ромакера на общую сумму в 90 рублей со ссылкой на культторговский магазин.

А в осеннем месяце для бедного исполкомовского драндулета была якобы куплена в магазине № 2 УРСа Ермак ГРЭС рулевая колонка, опять же автокамеры на общую сумму в 72 рубля. И это оказалось липой чистейшей воды. Продавец т. Савинкова подобного счета не выписывала, а в магазин таких ценностей не поступало.

Вот что можно сделать, если умеешь пускать пыль в глаза.

Впрочем, обо всех этих великолепных счетах Василий Иванович Трусов имел сведения самые достоверные. А закрывал глаза на всю эту липу по той простой причине, что сам был непрочь попользоваться доверчивостью бухгалтерских добряков. Авансы на командировку он получает всегда в повышенном смысле. Кроме того, Трусов вот уже 13 лет числится студентом-заочником Семипалатинского пединститута и каждую сессию вытягивает у государства весьма заманчивые суммы.

Придет он в бухгалтерию к А. Касенову, грустным взором окинет сидящих и пишущих и прошепчет проникновенно:

— Денег надо на сессию.

— Сколько?

— А сколь не жалко?

И дают. Как не дать, если у бедняги даже шикарной «Волги» нет. Всего же помимо законов передали ему 214 р. 45 к.

Василий Иванович в дополнение ко всему является распорядителем кредитов исполкома Ермаковского горсовета и в любой момент может взять любую сумму и не отчитаться. Правом этим он пользуется неуклонно.

Зато Василий Иванович скромный. Он не любит пускать пыль в глаза, он норовит проехать незаметно на своей разбитой машине с разбитым ездовым. Бросается лишь быль в глаза.

П. КИНЕВ,
нештатный собкор. Шмеля.
г. Ермак.

Рис. А. ШЛЫГИНА

— Какая невоспитанность!..

ВОДА, ВОДА...

Все не вечно под луною,
Жизнь у нас полна забот —
В доме прошлою весною
Отказал водопровод.
Нет воды, но есть чернила!
Заявили мы, как было:
Что не знаем, что виною
В том, что быт у нас не тот —
Вечно (хоть и под луною)
Перекрыт водопровод...
Заявленье переслали
В управленье труд и вод,
Заявленью сразу дали
Направленье и ход.
Заявление сигналом
Понеслось туда-сюда
И пошло по всем каналам...
Только не пошла вода.

Нам прислать, учтя наш ропот,
Обещали землекопа.
Все мы радостно глядели —
Перспектива впереди,
А потом... пошли недели,
А потом... пошли дожди,
А потом бумаг потоки
Наш заполонили дом,
А потом... прошли все сроки,
А потом... потом... потом...
И комиссии пошли,
И ревизии пошли,
И дошли все до... суда...
А вода!!
С ней вопрос стоит открытым —
Воду носим мы корытом!

С. СМИРНОВСКИЙ.

СИДИ—И ТОЧКА!

Жила-была в поселке Бурлине Уральской области контора коммунальных предприятий. Были штаты. Был начальник конторы Василий Николаевич Блинцов. И занимался он тем, чем заниматься ему положено, если бы районный центр не перевели из поселка Бурлин в новый город Аксай. Случилось это несколько лет тому назад. Все районные организации переехали в новый райцентр. Одни коммунальники остались в Бурлине. И ни с места.

Первое время работа еще была. Потом стало невмоготу. Придет утром на работу Василий Николаевич, разложит по столу бумаги, поведет вокруг оком, да и вздохнет. Раньше, бывало, на прием целая очередь, а теперь — ни души. Да и откуда клиентуре взяться? Подведомственных учреждений — раз, два — и обчелся: баня да гостиница. Та и другая чаще всего пустуют.

Посидит Василий Николаевич, с деловым видом к бухгалтеру заглянет. Тот тоже глаза прячет. А в них, в бухгалтерских глазах, тоже немой вопрос: «Чем же заняться?»

А тут еще водовоз зайдет. И опять-таки с вопросом: что делать? Ведь почти у каждого дома водоколонка или колодец.

Долго терпел Василий Николаевич. Все ждал, когда в Бурлинском райисполкоме решат, наконец, судьбу возглавляемой им конторы. Кому хочется есть задаром хлеб? И хлеб немалый. За год этот каравай обходится государству в 2820 рублей.

Потом взял и высказал вышестоящим товарищам такую мысль: коли в районном центре организовали еще одну коммунальную контору, то контору в поселке Бурлин следует закрыть. Кроме убытков, пользы от нее никакой. А гостиницу и баню можно передать в ведение бытового комбината. Но вышестоящим руководящим товарищам такая мысль пришлась не по душе.

— Подумаешь, убытки! — воскликнули в райцентре. — Раз поставлен, значит нужен. Сиди — и точка! Руководи. Есть же кем. Водовозом, например. Или, скажем, тем же плотником, который от нечего делать стихами стал баловаться. Если захочешь — работу найдешь. Была бы должность.

Вот так. Ничто не помогает. Даже мольбы об освобождении от ничегонеделания.

Н. ВЕРТЯКОВ.
Уральск.

Рис. В. ЧУГУНОВА
по теме А. ГУБАРЕВСКОГО

Стенка.

ОДНО ИЗ ДВУХ

Вот и опять пятница. Завтра и послезавтра — два дня отдыха. Только это не для меня. Другие давно уже перешли на пятидневную рабочую неделю, а я... Интересно — все шофера так маются, или это один я такой невезучий? Или начальник у меня особенный? Не знаю.

Ура! Сегодня директор сказал, что завтра и у меня будет суббота свободной. Первый раз! Вместе с семьей! Красота!

Пригласил к себе в кабинет, улыбается:

— Так уж и быть, — говорит,— отдохнешь завтра. А сейчас жми за моей половиной. Какие-то у нее там дела. Давай!

Поехал. Не впервой. Облазили с ней все магазины. Накупили для гостей всякой всячины. Уж я старался. Думаю — может, сегодня вовремя отпустит меня начальник

У меня ж тоже жена, молодая. Как все, — работает. Да еще дома хозяйничает, да за мальчишкой в детсад ходит.

А я раньше восьми дома не появляюсь. Пока директора ублаготворишь — уже вечер. Придешь — усталый, как собака. Про кино или про что другое — и думать забыл.

А в воскресенье, в субботу — опять же с начальником. То в район, то на охоту, то он в гости, то к нему — хлопот полон рот.

Пока я все это обдумывал, — хлоп! — опять меня начальник кличет.

— Отвез жену? — спрашивает, а у самого на лице и следа улыбки уже нет.

Екнуло у меня сердце.

— Отвез, — говорю.

— Хорошо. Я сейчас выйду. А ты на завтра путевочку все-таки приготовь. Вдруг понадобишься.

Так и есть! Аукнулась моя суббота!

Наутро проснулся рано: опять ведь за баранку. Жена лежит отвернувшись к стене и ни гу-гу. Молчит. Даже завтрака мне не приготовила.

Я тоже, ни слова не говоря, вышел нэ дому. В распоряжение начальника. И пошло. Мотались целый день по магазинам. Доставали рыбу, да не как-нибудь, а по знакомству (лещ ведь был нужен!).

Только в одиннадцать вечера завел я машину в гараж. Приплелся домой. На дверях — замок. А в том месте, где мы прячем ключ — листок бумаги.

Взял. Читаю:

«Или живи со мной и с детьми, или уходи к своему начальнику, раз у тебя такая профессия. Одно из двух».

Так. Бросила меня моя ненаглядная и уехала к родителям.

А мне что делать? Может быть, вы посоветуете?

Н. МУФТАХОВ.

Рис. Н. БУКЕЙХАНОВА

— Чего он бегает?
— Да он еще диссертацию не защитил.

У НАС В ГОСТЯХ

Кзыл-Ординская областная газета «Путь Ленина»

БЕСПРИЗОРНЫЕ ДОМА

«Даешь быт!» — решила дирекция овцеводческого совхоза «Кармакчинский» и приступила к строительству семи домов. Дома в проекте выглядели простыми и удобными, безо всяких там архитектурных цацек и финтифлюшек.

И вот споро заснували грузовики. Застучали молотки. Завизжали пилы. Тук-тук — готовы стены и вмонтированы двери. Тук-тук — прочно всажены оконные рамы. Тук-тук, и дома уже не только оштукатурены, но и возведены под шифер. Не дома получались, загляденье! А время... Что ему еще делать, времени? День... Неделя... Месяц... Год. Потом другой. А над совхозным поселком все несется бойкий перестук.

И, наконец, наступила тишина. Долгожданная. И возрадовались рабочие совхоза, как дети. У последних была же радость неописуема. Дирекция наметила отвести один из домов о пяти комнатах под школу. — Не будем топать в школу за несколько километров, — полагали наивные ребята.— Своя у нас теперь.

Да только обманчивой оказалась тишина. Обманчивой и долгой. Длится она уже четыре года. Заморозили строительство. Строительство почти готовых домов.

Кап-кап—каплет дождь. Сыплет снег. Раздольно гуляет ветер. Мокнет штукатурка. И валится, обнажая ребра стен. Идет прохожий. Нехороший прохожий. Это когда ночью он идет. Остановится. Переведет дух и... вышибет двери. Или окна там. На спину — и потащил. Гнется под тяжестью, а в душе эдакое тепленькое чувство к директору совхоза тов. Бектурееву С. Б. И прорабу Каибаеву К. тоже.

Едет машина. Скрипнут тормоза. А водитель осторожненько так шифер снимает. Осторожненько в кузов кладет. Он-то, шиферок, деньги стоит. Никак нельзя разбить. И поедет дальше. И радостно так сердце у водителя постукивает — есть же такие люди еще. Это опять о Бектурееве С. Б. и Каибаеве К. тоже.

Рассказал нам обо всем этом читатель из овцесовхоза «Кармакчинский» Ермекбаев С. Спрашивает: как это могло случиться? Интересуется человек. Отвечаем. Есть такое слово «бесхозяйственность». И дорого она обходится хозяйству. Цена-то каждому дому — восемь с лишним тысяч рублей.

А их, домов, семь. Вот ведь арифметика какая!

Т. БУСЛАКОВ.

ДА БУДЕТ СВЕТ

Жители улиц Лихачева, Чехова и прилегающего к ним переулка Орджоникидзе, что в городе Кзыл-Орде, забили тревогу. Законную и понятную: с электросветом у них неладно. И так каждый день, неделю. Об этом они поведали в своем письме редакции.

...Представим, что руководители управления электросетей решили положить этому наконец — конец. И послали своих представителей заверить жителей, что все будет в порядке.

Они, монтеры, тщательно подготовились к беседе. И вот, большие и важные, они степенно поднялись на наспех сколоченную трибуну. Один из них развернул смятый листок:

— Ученье — свет, неученье — тьма. Но без света учиться невозможно. И мы решили: электросвет будет у вас бесперебойным. Вы сможете культурно отдыхать, заниматься домашними делами и учиться. Что? Когда? Да, сию минуту...

И вдруг электролампочка, нахально подмигнув оратору, потухла. Монтер поднес листок к глазам. Но тщетно. Ничего нельзя было увидеть. Тогда он кивнул товарищу.

— Пожалуйста, свет.

— Одну секунду, — ответил тот, — и чиркнул зажигалкой.

В кромешной тьме жалко мерцал язычок пламени.

С трибуны неслись уверения...

Р. РУСЛАНОВ.

РАССЕКРЕЧЕННАЯ ИДИЛЛИЯ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

начальнику Казахской железной дороги товарищу И. А. Задорожному

Как вам известно, уважаемый Иван Акимович, существует в Алма-Ате первая железнодорожная больница. Большая больница. Один только штат насчитывает там 647,5 человекоединицы! И что же? В этой самой больнице подчас творятся такие дела, какие непозволительны даже, извините, на Зеленом базаре.

В чем же дело? Во-первых, оказывается, Гименей виноват. Именно этот пронырливый мужчина тесно переплел своими брачными узами врачебный персонал больницы с руководящими работниками управления дороги.

А во-вторых, и среди эскулапов, к сожалению, попадаются трудно-воспитуемые личности. К ним в коллективе относят в первую очередь врача Э. И. Фельдмана, обладающего незаурядными способностями организовывать склоки. Элик-то Иосифович и пальчиком почти не шевелит. Он лишь хитроумно пожинает плоды того, что в разнесчастной больнице сложились разобщенные враждующие группки и группочки. Вдобавок, если верить ведомостям на зарплату, Фельдман порой работал в поте лица по 36 часов в сутки!

Примерно на одном моральном уровне с Фельдманом находятся и его духовные собратья, поклонники зеленого змия: рентгенолог П. И. Кашкин и хирург В. С. Маркарьян. К этим борцам за идею тесно примыкает заведующая отделением С. М. Рыжкова, начальник отделения Н. К. Чепракова и лаборантка Л. М. Бекбаева. Сюда же, видимо — по профессиональному долгу, — затесался и вышеупомянутый Гименей, оказывающий могущественное влияние на течение различных светил на медицинско-железнодорожном небосклоне.

Все это, конечно, идет во вред делу. Мало того. Ряд фактов позволяет утверждать, что начальник врачебно-санитарной службы дороги В. М. Денисенко усиленно поддерживает коварную деятельность проныры-Гименея по части насаждения и укрепления в больнице всевозможных трогательных уз.

Судите сами, Иван Акимович. В управлении дороги работают мужья: у Н. К. Чепраковой — начальником отдела учебных заведений; у начальника терапевтического отделения В. Ф. Глебовой — заместителем начальника грузовой службы; у ассистента аптеки З. М. Гумаровой — замнач. ОКСа; у врача т. Ким — инспектором; у главного терапевта санслужбы т. Пензяковой — начальник отдела; у медсестры К. Степановой — завотделом Дорпрофсожа; у лаборантки В. Вайнталь — начальником «Трансмедснабторга»; муж лаборантки Л. М. Бекбаевой является вашим заместителем по кадрам.

Как видите, букет впечатляющий. Видное положение мужей, родственные связи между работниками больницы, службы, Дорпрофсожа и Управления приводят к тому, что титулованные жены воображают себя чем-то вроде трансформаторных будок с устрашающими надписями — «не трогать — смертельно!» и делают в больнице то, что их левая нога захочет.

Работая в больнице всего лишь медицинской сестрой, Л. М. Бекбаева например, так вошла в сочиненную ею для себя роль, что пыталась запросто неофициально руководить больницей и коллективом. Любовь Мироновна входила в упомянутую роль настолько бурно, что не считалась ни с кем и ни с чем. Из ее пленительных уст вылетали такие словеса в адрес врачей, что тем впору было бежать хоть на край света. А что же делал муж Любови Мироновны, ваш заместитель Н. У. Бекбаев?! Он потакал своей супруге во всех ее начинаниях. И только когда фокусы Бекбаевой стали всем поперек горла, ее перевели... во врачебно-санитарную службу. По поводу этого перевода один ответственный товарищ сказал: «Теперь вся служба ходуном ходит».

Что касается самого В. М. Денисенко, то деятельность его заслуживает особой оценки, ведь он руководит здравоохранением на всей дороге, а это — дело серьезное. И тут я с сожалением должен отметить, что Василий Моисеевич смотрит как-то не туда, куда нужно. И главное, любит Василий Моисеевич тишину и спокойствие. Ну, соответственно для этого и окружение подбирает.

Во время оно направил, например, товарищ Денисенко в Целиноград дезпоезд по санитарным делам. Так вот, представьте, по какому-то недосмотру попало в дезоборудование поезда несколько тонн алма-атинского апорта (говорят, он очень дорог в Целинограде). Начальник санэпидстанции Шубин, бухгалтер Блинов и персональный шофер Денисенко Кузнецов, сопровождавшие яблоки, тобишь — дезпоезд, так и не смогли доказать, что фрукты подбросили им в поезд неизвестные. Конечно, каждый получил в уголовном суде свою порцию. И что же? Вернувшись из мест «не столь отдаленных», Шубин снова был принят в аппарат службы, Блинов в больницу, а Кузнецов — уселся за баранку лимузина, который и сейчас развозит Василия Моисеевича.

Или возьмите тот же гараж. Подумаешь, стояли в гараже автомашины больницы. Не сахарные, решило начальство, — могут стоять и на улице. Зато на базе гаража Денисенко организует «мастерскую по ремонту техники медучреждений дороги». Что тут скажешь? Хитро закручено. Однако, кроме спасибо — ничего. Гараж так и остался гаражом, в котором теперь нашли благословенный приют личные машины руководящих работников управления: Бекбаева, Цыганчука, Соколова, Исмагулова, Бархударьяна, самого Денисенко и его шофера Кузнецова. Ну, разве Василий Моисеевич не гений? Все знают про нечистые дела — и все стыдливо молчат — моя, мол, хата с краю.

Вот тоже интересный факт. По настоянию главного педиатра службы тов. Ушаковой в сводном отчете была занижена смертность детей грудного возраста. Удобную для Ушаковой и Денисенко цифру вдруг опротестовала заведующая методическим кабинетом Л. С. Ефремова. На примере Целиноградской дорожной больницы она документально доказала, что отчетная цифра — очковтирательство и написала в связи с этим докладную тов. Денисенко. Что тут началось! Как будто взорвалась бомба, нарушив блаженную тишину службы. Нет — подумать только! — выносит сор из избы, то-есть — из службы! И Л. С. Ефремову взяли в шоры. Да такие, что хоть плачь, хоть песню пой.

Вы, уважаемый Иван Акимович, пытались оздоровить обстановку в больнице, меняя главврачей. Вряд ли ваши усилия будут успешными до тех пор, пока любые усилия очередного главврача, направленные на наведение элементарного порядка, будут встречаться в штыки сплоченной когортой названных мною лиц, прикрывающихся высоким родством.

С приветом на стреле
ШМЕЛЬ.

Рис. Б. КАЛИСТРАТОВА

Открытие летнего сезона в клубе.

САТИРИЧЕСКИЕ УСМЕШКИ

ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ОСЕЛ

Осел достал себе диплом
Да только зря старался.
Все тот же он:
Как был ослом,
Так и ослом остался.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Свой аппарат
Он разделил негласно
На тех, с кем можно пить,
И тех, с кем пить
опасно.
Живет хмельно и сыто.
Все шито-крыто.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВЫ

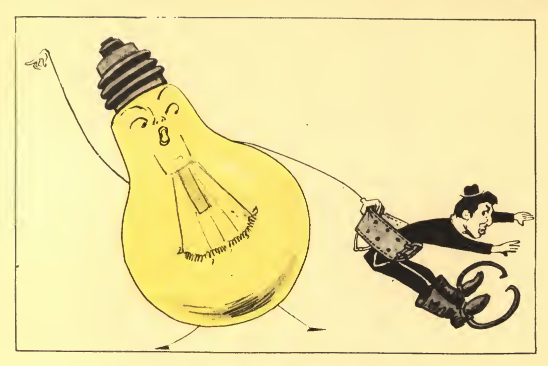
— Что Солнце!— брякнула Сова,—
Для жизни главное — жратва.
Ну, может быть, еще вода.
Все остальное — ерунда.

ЗАВИСТЛИВАЯ ЕЖИХА

— Везет же Лисоньке! — вслед
Кумушке-соседке
Ежиха поносилась сквозь-ралай,—
Сама в меху,
В меху лисята-детки.
За что такое счастье ей!

Ф. МЕЛЬНИКОВ.

Рис. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

— Стой, проводи меня на ферму!

ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ

Встретились на дороге две машины. Остановились. Водители высунулись из кабин.

— Привет, браток! — сказал первый.

— Здорово, братишка! — приветствовал второй — откуда и куда?

— Из Чу в Георгиевку.

— А я из Георгиевки в Чу.

— Что везешь?

— Воздух.

— Так и я воздух.

Раззявили рты до затылков, расхохотались, за животы хватаются.

— Что ж, от вас нечего больше везти?

— А от вас?...

Катаются шофера в пустых кузовах заливаются детским смехом. Потом первый бьет себя кулаком по лбу.

— А назад что повезешь?

— Воздух.

— Так и я воздух!

Опять схватились за животы.

А в бухгалтерии производственного автотреста стучат костяшками счет, подбивают итоги пустопорожних поездок. Сколько стоит кубометр воздуха, перевозимого шоферами треста в кузовах? Оказывается, дорого — 4 руб 20 копеек. Подсчитано, что ежедневно перевозится таким способом до 400 кубометров. Это — 1680 рублей. А если за месяц, за год? Золотой воздух получается. Кругом столько воздуха! Бесплатный воздух. А вот для Джамбулского производственного автотреста — золотой он. Как же сократить его стоимость? Управляющий трестом Владимир Иванович Боленко нервничает. Почему нет экономии, откуда перерасход горючего? Как снизить стоимость воздуха?

— Что ему скажешь? Намекни, чтоб совсем воздух не перевозить, — так обидится. Мол, без этого нельзя.

— Экспериментировать надо! — шепчет он. — Экспериментировать.

И экспериментируют. Расстояние по перевозке воздуха увеличили до пятисот километров. Подсчитали — стоимость воздуха не уменьшилась, а увеличилась в три раза. Опять эксперименты продолжаются. В чем причина? В чем секрет? И причина, и секрет очень просты: автобазы треста ни согласованности, ни упорядоченности в работе не имеют. И гоняют порожняк.

Вот почему так и хочется предложить работникам Джамбулского производственного автотреста еще один эксперимент.

— Товарищи, дышите глубже. Дышите тем самым воздухом, по той же цене, которую вы берете, за его провоз и решение придет к вам. Дышите глубже!

В. КУЛЕШОВ

г. Джамбул.

Разрешите побеспокоить!

Директору Кентауского трансформаторного завода товарищу Ю. Булдакову.

Мы, трансформаторы малые (заводские № 9798 и 10222), исходя горючими слезами, хотим рассказать вам о том, что пришлось нам пережить на долгом пути от города Кентау до Киева.

Шкодливые руки заводских экспедиторов и упаковщиков грубо заволокли нас навалом в вагон за номером 6574343 и ничем не закрепили. Вагон был пуст, и мы, в долгом нашем пути, от толчков поезда, танцевали, плясали и непрерывно стукались об вагонные стенки и друг о друга.

Так мы прибыли в город Киев и выглядим теперь чистыми инвалидами. Вмятины на наших торцевых трубопроводах достигают по площади 28 квадратных сантиметров, а глубины — 3 сантиметров. Так мы, трансформаторы малые, штуки весьма дорогие, пришли в негодность. Грузополучатели увидели нас, ужаснулись и получать такой, извините, железный лом отказались.

На вас и на нас, увы, составили акт. «Такие нам не нужны» — сказали люди и попросили, чтобы завод прислал своих представителей для выяснения вопроса. Рекламация, кстати, находится уже у вас в руках.

Что сказать еще? Получилась некрасивая история. Вы нас подвели, а мы вас. К тому же плюс тысячные убытки.

Извините нас, пожалуйста, но мы решили вас побеспокоить. Поскольку сделаны мы на вашем заводе, то вы для нас как бы отец родной.

К сему — трансформаторы малые.

Письмо доставил из Киева А. ЗАСУХА.

Уважаемый Шмель

Водители соседнего участка жаловались как-то на своего начальника, мол, «тяжелый». Чепуха! Вот начальник нашего горно-транспортного участка Северо-Джезказганского рудника Гаврил Иванович Петров — вот это тяжелый. Такой тяжелый, что возит его семитонный самосвал. С работы, на работу, по другим делам он раскатывается на МАЗе. Подобной утяжеленной болезнью уже заразился его помощник Какыш Исабеков и некоторые инженеры и механики. Они так же по своим делам ездят на многотонных автомобилях. План не успеваем выполнять, а тут надо перевозить такую тяжесть, как Петров и Исабеков.

Может ты, дорогой Шмель, избавишь наши самосвалы от такой тяжести!

ВОДИТЕЛИ САМОСВАЛОВ УЧАСТКА.

Джезказган

АМБИЦИЯ

На Восточно-Казахстанской базе «Казторгодежда» долго думали: как бы покрепче уесть Семипалатинский трикотажно-чулочный комбинат за то, что среди 41760 пар чулок, поставленных комбинатом, несколько пар не вышли качеством, в результате чего база считала себя ущемленной на 7 рублей 68 копеек.

И придумали! В арбитраж подать! Суммы-то убытков «громадные»!

А на комбинате, думаете, руководящий состав лыком шит! Как бы не так! Там как услыхали, что база действует через арбитраж, так и решили: не видать вам, родные, своих 7 рублей 68 копеек! По судам затаскаем! Представьте вначале нам этикетки со всех 41760 пар чулок! Разберемся, посмотрим, а там, гляди, может быть, и уплатим по иску.

Вот что такое амбиция! А вы говорите. Ведь накладные расходы по обращению в арбитраж уже в три раза превысили сумму иска! А конца делу еще нет.

И. НЕТРУНЕНКО.

Деньги в трубу

Однажды возле Темирского интерната раздался голос энтузиаста:

— Братцы-родители, за лопаты! Поможем интернату провести водопровод!

Родители в Темире оказались сознательными, схватились за лопаты и в один день вырыли семидесятиметровую траншею, от подшефного здания до центральной водопроводной трубы.

Теперь надо бы трубы укладывать, а где взять? Пошли добрые дяди в «Казсантехстрой» Актюбинского отделения.

— Проложите трубы к интернату! — взмолились родители.

— Гоните червонцы!

— Вот вам 980 рублей, только сделайте доброе дело, чтоб ребятишки не бегали с ведрами за водой, — сказал представитель интерната и передал деньги.

Взяли денежки сантехники и распрощались. Видно вогнали их не в те трубы. Потому как водопровод к интернату до сих пор не подключен. Одним словом вылетели в трубу интернатовские денежки.

Р. ИМАНКУЛОВ.

Актюбинская область.

У Ф!..

Куда мы только не жаловались! Куда только не обращались с просьбами. Наконец, бодрые специалисты под руководством Ж. Оспанова приехали в наше село, вкопали за три дня столбы и уехали.

Ждем. Приехал, наконец, из района тов. Кенжебеков, ведающий электросетью. Дал указание. Уехал. И по его указанию другие бодрые товарищи подключили к электричеству десять домов. Не больше и не меньше. И тоже уехали.

Так вот до сих пор и пребываем: в десяти домах горит свет, а в остальных — тьма кромешная. Что делать?

И куда мы только не жаловались! Куда только не обращались с просьбами! Уф!..

С. ОРЫНБЕКОВ.

Джамбулская обл.
Сарысуйский р-н
село Жайылма.

Адрес редакции: Алма-Ата, проспект Коммунистический, № 109. Телефоны главный редактор — 9-51-84, зам. главного редактора — 9-58-36, ответственный секретарь — 9-66-39, художественный отдел — 9-66-74, отдел писем трудящихся — 9-54-44, отдел фельетонов — 9-58-67, 9-51-87.

Подписано к печати 15/V-68 г. УГ03444. Бумага 70 × 108 1/8 п. — 0,75 бум. 2,06 печ. листа.

Типография издательства ЦК КП Казахстана, г. Алма-Ата, пр. Ленина 2/4.
Заказ № 198. Тираж 191.500.

Рис. И. КАБАКА

— ТАК ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ? НАЧИНАТЪ СЕНОКОС ИЛИ РАПОРТОВАТЬ О ЕГО ОКОНЧАНИИ?

Рис. П. ТУКМАЧЕВА

ЗДЕСЬ ПАРЕНЪ ВЫДЫХАЛСЯ.

ЗДЕСЬ — ДУХУ НАБИРАЛСЯ.

Индекс 75836

Быль о рыбаках и рыбке

рафов приятные, а для рыбы каспийской — губительные.

Ужаснулись рыбные ученые еще разок, приняли во внимание ущерб, какой приносят красной и иной рыбе сейсмические работы, но все же засомневались. Трудно, говорят, поверить, чтоб одиночные взрывы могли привести к массовому выбросу рыбы, подобному случившемуся. Причиной беды было что-то посерьезнее...

Но что?

Разводит руками В. Г. Андреев, директор Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства («Каспниирх»).

Разводит руками Н. Е. Песириди, директор Гурьевского филиала Каспниирха.

Разводит руками В. В. Мильштейн, директор Центрального научно-исследовательского института осетрового хозяйства.

Разводит руками И. И. Акмаев, заместитель начальника Главного управления Каспрыба. Ответа нет.

А рыба молчит. Во-первых, потому, что так ей на роду написано, а во-вторых, потому что она дохлая.

На основании этого и некоторых других примеров нельзя отделаться от впечатления, что некоторые научные и административные инстанции на Каспии мало занимаются насущными рыбными проблемами, мало думают о том, как бы подсобить благородной рыбе. А ведь она хоть и молчит, тем не менее громко вопиет о помощи и защите.

* * *

По вобле скучают не только на Волге. Сядут где-нибудь на Иртыше работяги распить по кружечке пива и нет-нет, да и скажет кто-нибудь со вздохом:

— Эх, воблы бы сюда кусочек.

Каспийских старожилов пытают и в Москве, и в Ярославле и даже в Алма-Ате:

— Скажите, есть ли еще вобла в Каспии?

— Есть, — отвечают старожилы, — есть.

— Так почему же мы ее не видим? Почему?

Во-первых, введён лимит на лов воблы. Во-вторых, план по вылову, как правило, не выполняется, а в-третьих...

Весной 1967 года на берегах Урала, по самым приблизительным подсчетам погибло 9700 центнеров воблы. Рыба сгнила, виновные наказаны. Конечно, любителям воблы в Москве, Ярославле и Алма-Ате, от этого легче не стало, но все-таки. Выговоры, наверное, не за здорово живешь дают и не для того, чтобы соблюсти формальные приличия, дескать провинился — получай, а там... А там хоть трава не расти.

Приезжает в январе этого года один дотошный старожил на Урал, а там... А там опять замор. И где! Недалеко от поселка Пешное в устье, Урала, в каком-то километре от поста рыбинспекции. Поехал каспийский житель на пост. Взял с собой пешню, лед долбить. Продолбил, глядь, а подо льдом, на дне, ровнехоньким слоем лежит вобла, гниет.

— Так как же вы, такие-сякие, не заметили до ледостава — что здесь рыба? — спрашивает житель инспекторов — здесь же ее несколько сот центнеров?

— А как заметишь? — отвечают.— Осенью моряна надула — рыба зашла в этот проток. Подул ветер в обратную сторону, вода скатилась, а рыба не смогла уйти. А тут, наверное, и мороз вдарил. Вот и прихватило.

— Да, но вы на то и рыбинспекция, чтобы вовремя разведывать обстановку — где какой уровень воды, где какое скопление рыбы. Это ведь ваше дело?

— Наверное, наше. Так у нас и карты-то всех этих протоков нет. Разве за всем усмотришь? А к этому протоку, тем более, ни летом, ни осенью не пролезешь.

Вот и весь ответ. Вобла сама, значит, виновата, несознательная, что с нее возьмешь. Лезет, куда не надо. За это и наказана. А рыбинспекция? Ау! Где ты? Опять не оказалась вовремя на месте.

* * *

Ладно. Но это, скажем, цветочки. А теперь поглядим, как выращиваются ягодки. Гнилые.

Не скудеет с годами человеческая фантазия. Если уж среди ассенизаторов есть свои рационализаторы, то почему бы им не появиться среди людей более благородных профессий, ну, скажем, между руководителями рыболовецких колхозов? Верно, должны появиться! Не может прогресс топтаться на одном месте. Давай, ребята! Развивай фантазию! Удивляй мир! Закапывай красную рыбу! Нечего с ней чикаться! В воде-то и дурак может прожить. А вот пусть попробует в земле. Подумаешь, еще, трепыхается: я, мол, красная, я дорогая, я бесценная. А мы тебя, голубушку, в почву, в землю! Ха-ха! Не обедняем, не боись! Ты у нас, дорогуша, на столах не переводишься, и икоркой твоей мы балуемся вдоволь. Может ли, скажем, сапожник ходить без сапог? Не может! А мы рыбаки! Значит, мы тебя в землю для того, чтобы нас не подточило. Не обедняем. А рыбокомбинат пусть почувствует, как вовремя не забирать наши уловы. Пусть знает! А мы тебя сверху землицей присыпем и утрамбуем. Вот так, ладненько...

Прошлой весной по указанию председателя колхоза «Ракуша» Джаксыбаева было закопано 20 центнеров осетровой рыбы, по распоряжению председателя колхоза имени Джамбула Султанова 35 центнеров частиковой рыбы.

«Рационализаторы» отделались выговорами и легким испугом, поделенным на двоих.

Такой дорогой ценой оплачивается отсутствие ритмичности и слаженности в работе рыбокомбинатов, принимающих уловы от рыболовецких колхозов.

* * *

Мелеет катастрофически Урал. Волга зарегулирована. А по сути дела, только на Урале пока еще и сохраняются естественные нерестилища осетровой рыбы. Пока еще... А что ждет Урал в будущем? Только сейчас в одной Гурьевской области каждые сутки промышленность и сельское хозяйство изымают из многострадального Урала 814 тысяч кубометров воды.

Так что будем делать? Опять просто разведем руками, что, мол, ни-

ПРОБКА, ЖУЧОК ИЛИ ВЫСТРЕЛ?

Пьеса в трех картинах.

Действующие лица:

Гунеев Василий Иванович — председатель рабочего комитета Мамлютского племсовхоза Северо-Казахстанской области.

Гунеева Евдокия — его жена, кассир клуба (в спектакле не участвует).

Липатов Георгий Иванович — киномеханик.

Липатова Софья — его жена, помощник киномеханика.

Члены рабочего комитета совхоза.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение рабочего комитета. Заложив руки за спину, Василий Иванович Гунеев разгоряченно ходит взад и вперед. Киномеханик Георгий Липатов, жулькая свою ушанку, сидит на табурете.

— Догадываешься, зачем вызвал? — сурово вопрошает Гунеев.

— Не разумею, Василий Иванович. Мало ли к чему можно...

— Ты мне не темни. Ты на току полтора месяца что делал?

— Помогал хлеборобам.

— Весомо. А кто ты такой, чей работник?

— Ваш, Василий Иванович, ваш. Но ведь я ни одного киносеанса не сорвал.

— Сорвал, не сорвал, а вот зарплату киномеханика ты не получишь. Почему моей жене свет в кассе не обеспечил?

— Пробки нет, Василий Иванович.

— Жучка поставь.

— Не могу. Чуть чего — замыкание произойдет, а клуб наш деревянный...

— Тогда это сделает другой. Можешь идти!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер следующего дня. Киноаппаратная. Супруги Липатовы готовят к показу кинофильм «Выстрел». Входит Василий Иванович Гунеев.

— Иди торгуй билетами, — говорит он Софье Липатовой.

— То есть как? — удивляется та. Кассиром работает ваша жена, а я помощник киномеханика.

— Я вас назначил кассиром.

— Но у меня своя работа.

— Тогда вы оба убирайтесь!

— А «Выстрел»? — недоуменно спрашивает Липатова.

— Выстрела не будет!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Заседание рабочего комитета. Присутствуют пострадавшие супруги Липатовы и обидчик — Василий Иванович Гунеев.

— Так с чего же все началось,— говорит первый член рабочкома, — с пробки, с жучка или с «Выстрела»?

— Неважно, с чего, — хмуро отвечает Гунеев.

— Но ведь, — замечает второй член комитета, — десять дней люди кино не смотрят, с каждым днем ущерб возрастает.

— Предлагаю восстановить киномехаников на работе, — говорит третий, — и оплатить им за вынужденный прогул.

Все члены голосуют «за».

— Так, так... — скрипит зубами Гунеев, — восстановили, да еще с оплатой за прогул... А я вот не согласен!

— Все по закону, — говорит первый член рабочкома.

— Выплатишь им за свой счет! — поддакивает второй.

— Как за свой? — вопрошает Гунеев, вытирая со лба испарину. — Он же не личный мой работник...

Занавес.

Примечание Шмеля: Третьей картины пока, говорят, еще не было. А нужна. До чего же нужна!

М. ЧИЛЬЧЕГОВ.

